

Едва задира с передней парты успел сесть, как в класс, тяжело дыша, влетел опоздавший Сяо Цзяхуэй. Он еще не успел добраться до своего места, когда в дверях показался учитель с охапкой учебников и планами занятий.

Бросив мимолетный взгляд на замершего посреди прохода Цзяхуэя, педагог ничего не сказал. Он степенно разложил свои пособия на кафедре и встал за ней, сложив руки за спиной. В ту же секунду класс наполнился приглушенным гулом — ученики принялись за чтение вслух, и с каждым мгновением этот шум становился всё громче.

Шэнь Юй, следуя общему примеру, выудил из стола учебник, но не спешил приступать к декламации. Вместо этого он сосредоточенно принялся изучать оглавление.

В его прошлой жизни в сети часто спорили, какому уровню соответствует школьная программа восьмидесятых годов; некоторые утверждали, что она едва дотягивает до программы средней школы будущего. Юноша не знал, насколько справедлива такая оценка, но, бегло пролистав страницы, почувствовал облегчение — материал действительно казался менее глубоким и сложным, чем тот, что он зубрил в свои школьные годы.

Новость была приятной, однако расслабляться он не собирался. Раз уж он твердо решил поступать в университет, тратить время на пустую болтовню было недопустимой роскошью. Весь урок утреннего чтения Шэнь Юй провел в напряженной работе: он тщательно восстанавливал в памяти учебный прогресс прежнего владельца тела, попутно сопоставляя его со своими былыми знаниями.

Шэнь Юй из этого мира успехами не блистал — его оценки болтались где-то в нижней части списка. Из пятидесяти с лишним человек в классе он обычно занимал тридцатое или сороковое место, что, впрочем, всё же было лучше, чем роль последнего двоечника.

Сам юноша окончил школу много лет назад и успел позабыть добрую половину программы. Опираясь на память предшественника и разбирая примеры из учебника, он постепенно воскрешал в голове формулы и правила, что уже можно было считать неплохим достижением. К счастью, сейчас шел только первый семестр второго класса старшей школы. Три года назад систему образования реформировали, увеличив срок обучения до трех лет, так что у него оставалось еще почти два года, чтобы нагнать сверстников и подготовиться к экзаменам.

Через десять минут после начала урока в класс, едва не сбив дверь с петель, ворвалась Мэн Юнь. Учитель, не прерывая занятия, устроил ей суровую выволочку и в наказание заставил дежурить в классе три дня подряд.

Юнь Байя явилась еще позже, почти под занавес утреннего чтения. Классный руководитель не стал её отчитывать при всех, лишь назначил точно такое же наказание.

От несправедливости глаза девушки вновь предательски покраснели. Она бросила на Шэнь Юя полный жгучей обиды взгляд, но тот, поглощенный чтением, даже не соизволил поднять головы. Зато Сяо Цзяхуэй проявил истинную глубину чувств: с самого начала занятия он сидел как на иголках и чуть не перевернул учебник вверх тормашками. Стоило Юнь Байя войти, как он вперил в неё взгляд, полный тревоги и нежности. Их глаза встретились — в одном взоре читалась жалость, в другом — невыносимая обида. Несмотря на то, что их разделяла половина класса, эта немая сцена была настолько выразительной, что учитель, стоявший за кафедрой, недовольно нахмурился.

Все сорок минут утреннего чтения Шэнь Юй провел в своем собственном мире, игнорируя любопытные взгляды, то и дело прилетавшие со всех сторон. Он прекрасно понимал: его талант не безграничен, и он вовсе не из тех гениев, что схватывают всё на лету. В будущем, когда он всерьез займется заработком денег, свободного времени на учебу станет катастрофически мало, поэтому сейчас он дорожил каждой минутой.

Когда прозвенел звонок на перемену, юноша закрыл книгу и, наконец, обратил внимание на свою соседку, которая уже давно украдкой за ним наблюдала.

— Чего ты на меня смотришь? — прямо спросил он.

Его соседку звали Чэнь Мэйли. К сожалению, имя, означающее «красавица», совершенно не соответствовало действительности: при росте чуть меньше метра семидесяти она весила добрых восемьдесят пять килограммов — редкость для этой эпохи.

В их классе училось пятьдесят шесть человек — тридцать семь юношей и девятнадцать девушек. Почти все сидели парами по половому признаку, и только Шэнь Юй с Чэнь Мэйли составляли исключение. Соседи по парте могли меняться, но эта пара сидела вместе уже больше года, прочно «окопавшись» в своем углу после очередной пересадки.

Из этого нехитрого описания нетрудно было догадаться, что оба они находились на самой нижней ступени школьной иерархии.

Шэнь Юй никак не мог взять в толк одну вещь: прежний владелец тела был сиротой при живых родителях, трусливым и тихим, так что издевательства над ним были предсказуемы. Но Чэнь Мэйли? Судя по её контейнеру, полному яиц, родители ни в чем ей не отказывали. Было очевидно, что семья о ней заботится, но почему она позволяла так с собой обращаться? Стоило ей хоть раз пожаловаться дома, и школьным задирам несдобровать.

— Я... я просто так, — пролепетала Чэнь Мэйли и, бросив на него быстрый взгляд, тут же уткнулась в стол.

Шэнь Юй лишь мысленно пожал плечами. Что ж, раз он здесь сидит, запретить на себя смотреть он не может.

Едва он собрался отвернуться, как в густой шевелюре соседки мелькнул какой-то отблеск. Не успел он присмотреться, как рядом раздался гневный голос:

— Эй, приبلуда!

— Чего тебе? — Шэнь Юй обернулся и обнаружил, что его место окружено.

Мэн Юнь стояла перед ним, заносчиво задрав подбородок. За её плечом пряталась Юнь Байя, которая с самым несчастным видом теребила рукав подруги. Рядом с ними застыла Лю Миньюй, в чьих глазах читалось нескрываемое любопытство. Сяо Цзяхуэй тоже не заставил себя ждать и уже решительно направлялся к ним.

— Будто сам не знаешь! Тебе же деньги нужны были? — Мэн Юнь вздернула нос еще выше и с силой хлопнула по столу двумя купюрами. — Забирай! Я же говорила: Байя не из тех, кто пользуется чужой щедростью. Она всегда возвращает долги.

— О, — Шэнь Юй молниеносно сгреб деньги.

Десятка и двушка. Купюры были новенькими и приятно хрустели, мгновенно поднимая настроение. Спрятав сокровище в сумку, он с невинным видом уточнил:

— Это всё? Или еще что-то хотела?

Мэн Юнь лишилась дара речи от такой наглости.

— Ты... ты вот так просто их взял?!

— А как еще? — Шэнь Юй на секунду задумался, и его лицо озарило притворное озарение. Он выудил двухрублевую купюру обратно. — У меня нет сдачи, ровно пятьдесят фэней я не найду. Может, разменяете и отдадите мне остаток позже?

Мэн Юнь уже протянула руку, чтобы забрать сдачу, но Юнь Байя внезапно перехватила её ладонь.

— Не нужно. Всего пятьдесят фэней... Пусть это будет процентом за то, что я задержала деньги товарища Шэня.

Она явно хотела показать, что не станет мелочиться из-за таких копеек. Шэнь Юй в ответ лишь восхищенно поднял большой палец вверх:

— Сразу видно дочь директора завода. Какая щедрость!

«Пятьдесят фэней! Это же больше десяти паровых булочек!» — ликовал он про себя.

— Байя, да он же...

— Мэн, оставь, — кротко улыбнулась Юнь Байя.

Её улыбка была воплощением стойкости и нежности. У задиры с передней парты глаза едва не вылезли из орбит, так пристально он пялился на «святую» героиню. Шэнь Юй лишь усмехнулся: этот парень в романе даже не упоминался, так что пусть пользуется моментом, пока судьба дает шанс поглазеть.

— На что уставился! — Громовой голос заставил всех вздрогнуть.

К ним стремительно приближался Сяо Цзяхуэй, чье лицо исказилось от ярости.

— Зачем ты взял деньги у Байя... товарища Юнь? Немедленно верни их ей!

Шэнь Юй, разумеется, и не подумал расставаться с добычей. Он с готовностью повторил свою утреннюю легенду, чеканя каждое слово:

— Брат Цзяхуэй, я ведь только ради тебя решил достать те деньги и одолжить их товарищу Юнь. Кто же знал, что она поймет меня так превратно?

Едва эти слова сорвались с его губ, как юные влюбленные синхронно залились густой краской. Их взгляды встретились на мгновение и тут же испуганно разошлись. Настоящая сцена из романа о первой любви!

Цянь Цзюнь, который для сюжета был не более чем фоновым шумом, посмотрел на Цзяхуэя так, словно хотел проткнуть его ножом. Да и другие парни в классе одарили «счастливчика» далеко не самыми добрыми взглядами.

Шэнь Юй задумчиво потер подбородок. Главная героиня была поистине опасна — одним своим видом она умудрилась навлечь на своего избранника волну ненависти, причем даже от тех, кто раньше был с Цзяхуэем в ладах.

В оригинальной истории эти двое скрывали свои чувства до самого выпуска, и тайна раскрылась лишь перед экзаменами. К тому времени было уже поздно что-то менять: ни учителя, ни родители не решились давить на успешных учеников, побоявшись испортить им будущее. В итоге парочка благополучно поступила в престижные вузы.

Внимание Шэнь Юя привлекла Лю Миньюй, еще одна верная подруга героини.

Именно она позже раскроет тайну их отношений. Тайно влюбленная в Цзяхуэя, она попытается разрушить их союз, но лишь сильнее сплотит влюбленных. Сама же Лю Миньюй поплатится за интриги: она провалит экзамены, не пойдет на пересдачу и, по слухам, будет выдана семьей за какого-то старика.

Сейчас, глядя на перешептывания «парочки», Лю Миньюй стояла блее полотна. Видимо, её чувства к Сяо Цзяхуэю уже пустили глубокие корни.

Шэнь Юй почувствовал, что совершил благое дело. Если эта девушка узнает горькую правду сейчас, а не перед самыми экзаменами, у неё будет время перегореть и не сорваться в самый ответственный момент. В конце концов, зачем нужны эти ранние страсти? Ученику полагается грызть гранит науки, а не крутить амуры.

«Так что, я только что изменил сюжетную линию?» — размышлял Шэнь Юй.

Решив, что эти перемены ему только на руку, он окончательно успокоился.

— Брат Цзяхуэй, ты только посмотри на мою сумку, — Шэнь Юй продемонстрировал свое убогое изделие из лоскутов, заставив Мэн Юнь брезгливо скривиться. — Моя прежняя сумка утонула, когда я спасал человека, и все учебники вместе с ней. Мне просто не на что купить новую канцелярию. Если бы не нужда, я бы ни за что не вспомнил про те кроссовки. Считаю, что это ты подарил их товарищу Юнь.

Лицо Сяо Цзяхуэя слегка просветлело. Впервые за долгое время этот пасынок не вызвал у него глухого раздражения. Слова Шэнь Юя позволили ему сохранить лицо перед Юнь Байя. Как истинный герой, Цзяхуэй не привык мелочиться из-за пары юаней, поэтому вопрос с долгом был закрыт.

Свита удалилась так же быстро, как и появилась. Мэн Юнь вернулась на свое место, а Сяо Цзяхуэй и Юнь Байя один за другим выскользнули из класса. Лю Миньюй, постояв немного в оцепенении, тоже поплелась к своей парте.

Хотя влюбленные и старались выходить по отдельности, дураков в классе не было. Стоило им скрыться за дверью, как в кабинете вспыхнуло бурное обсуждение.

Шэнь Юй переложил деньги из сумки в карман брюк — оставлять такое богатство без присмотра было верхом легкомыслия. Спрятав купюры, он обернулся и наткнулся на испуганный взгляд Чэнь Мэйли.

— Перестань пялиться. У меня те же два глаза и один нос, что и у тебя, ничего нового не увидишь.

Чэнь Мэйли не удержалась от смешка, а затем тихо проговорила:

— Мне кажется... ты стал совсем другим. Не таким, как раньше.

— Что значит «не таким»? Всё тот же... — Шэнь Юй осекся и вдруг спросил: — У тебя есть с собой зеркало?

— Есть, конечно! — Мэйли поспешно извлекла из недр сумки маленькое пластиковое зеркальце. — Тебе нужно?

— Одолжи на секунду.

Наконец-то он сможет увидеть, как выглядит на самом деле!

Едва зеркальная гладь оказалась перед ним, как из глубины стекла на юношу взглянуло его собственное отражение. Слишком длинные пряди почти полностью скрывали глаза.

Он не стригся не из прихоти. Глаза, как известно, — зеркало души, а в своей прошлой жизни он слышал от одного уличного авторитета, что взгляд у него как у волчонка. Разница с прежним владельцем тела была слишком разительной, а поскольку его роль в доме Сяо еще не была доиграна, лучше было пока прятать лицо.

Под густой челкой угадывался изящный нос с чуть закругленным кончиком. Губы были полными, нежного розового цвета — казалось, они так и созданы для поцелуев. А завершал картину острый, изящный подбородок...

«Да я же вылитая девчонка!» — в ужасе подумал Шэнь Юй.

Он едва не грохнул зеркало об пол, но вовремя вспомнил, что оно чужое, и сдержался.

Он втайне надеялся, что глаза добавят образу мужественности. У Сяо Цзяхуэя, например, были густые брови — признак твердого характера. У Шэнь Аньминя, насколько он помнил, тоже были брови вразлет, так что он должен был унаследовать черты отца.

С этой робкой надеждой Шэнь Юй отвел волосы в сторону.

Форма бровей действительно была безупречной — четкие линии, не слишком широкие, но и не ниточки. Но вот глаза...

Приподнятые уголки, красивые тени под нижним веком и ресницы, густые и длинные, словно маленькие веера. Сказать, что он был дурен собой, было бы ложью — он был даже привлекательнее, чем в прошлой жизни.

В целом из зеркала на него смотрел утонченный юноша с пленительным разрезом глаз. Даже нездоровая желтизна кожи от недоедания не могла скрыть благородства черт. Шэнь Юй признал, что картинка радует глаз, но она совершенно не вписывалась в каноны мужской красоты того времени. С таким острым подбородком и лисьими глазами он выглядел человеком, обделенным удачей.

А самое главное — он, ощущавший себя внутри настоящим волевым лидером и тотальным доминантом, в этом теле выглядел донельзя беззащитным и слабым!

<http://bllate.org/book/15805/1427243>